

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО (И МИРОВОГО) ПОРЯДКА

Екатерина Валерьевна Колдунова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 19 ноября 2018</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 19 ноября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 4 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: В представленной статье путем диахронного сравнительного анализа специфики формирования регионального порядка в Юго-Восточной Азии в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды демонстрируется, что несмотря на свое изначально подчиненное положение в международной системе страны региона смогли не только адаптироваться к чуждому для них концепту наций-государств, но и выработать региональные инструменты расширения своей международной субъектности. По мере такой адаптации местные (доколониальные) представления о региональном порядке все в большей степени утрачивали свою практическую составляющую и переходили в плоскость оснований для развития общественно-политической и философской мысли. Доказывается, что опыт коллективного действия стран Юго-Восточной Азии, объединившихся во второй половине XX в. в формате АСЕАН, необходимость примериться и ужиться со многими внутрирегиональными и международными ограничениями привел к достаточно взвешенному взгляду стран региона на желаемый справедливый региональный порядок. Его квинтэссенцией стали инклюзивность, принятие сложившейся системы наций-государств, развитие международных отношений в рамках общих правил и норм, представления о желательности снижения интервенционизма Запада при сохранении его сильных позиций в мировой системе, принятие Китая как ведущей экономической, но не политической силы. Такой подход к организации регионального порядка, закрепленный, в частности, в концептуальном документе, о подходе АСЕАН к формированию Индо-Тихоокеанского региона, представляется вполне оправданным, однако его дальнейшая практическая реализация может столкнуться с серьезными структурными ограничениями.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регионализм; АСЕАН; региональный порядок; региональные трансформации; сравнительный анализ; Юго-Восточная Азия; Индо-Тихоокеанский регион; Китай; США</p>	

Современная Юго-Восточная Азия представляет собой регион, который на протяжении своей доколониальной, колониальной и постколониальной истории пережил целый ряд кардинальных трансформаций, причем на втором и начальном этапе третьего из указанных периодов, выступая в первую очередь их объектом, нежели активным субъектом. Однако в конце XX века благодаря деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) регион смог стать источником институциональных новаций в региональной и мировой поли-

тике, позволивших существенным образом расширить возможности влияния малых и средних стран региона на их более крупных контрагентов (США, Китай, Индию, Японию, Россию, Австралию). Эти новации основывались как на практических инструментах международно-политического взаимодействия, разработанных в течение нескольких десятилетий своего существования странами АСЕАН, так и на наработках современной общественно-политической мысли государств региона. В ней, в частности, представлены интересные концептуаль-

ные обоснования того, как страны, для которых вестфальская система наций-государств и мировой порядок, базирующийся на данном конструкте, изначально являлась чужеродным явлением, не только смогли адаптироваться к нему, но и предложить свои в достаточной степени конструктивные оценки его более справедливых и инклюзивных вариантов.

В данной статье предпринимается попытка доказать представленный выше тезис путем диахронного сравнительного анализа специфики формирования регионального порядка в Юго-Восточной Азии в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды. Методологически проведенный анализ опирается на определение регионального порядка, представленного в работах одного из крупнейших специалистов по международным отношениям в регионе Майкла Лейфера, который понимал под таковым «существование стабильной структуры региональных межгосударственных отношений, основанных на общих представлениях о том, что определяет логику поведения государств в отношениях друг с другом»¹. И хотя применительно к доколониальному периоду в Юго-Восточной Азии сложно говорить о подлинно «международных» отношениях в понимании западной теории международных отношений, тем не менее, на наш взгляд, представляется возможным порассуждать о существовании регионального порядка в логике определения М. Лейфера. Еще один дискуссионный вопрос, имеющий отношение к проблематике данной статьи, касается определения географических рамок Юго-Восточной Азии, которая, как отмечают многие исследователи, может рассматриваться как международно-политический регион лишь после окончания Второй мировой войны. Тем не менее, представляется возможным сделать аналитическое допущение в виде экстраполяции современных географических параметров Юго-Восточной Азии и на предшествующие исторические периоды.

¹ Leifer, M. *Selected Works on Southeast Asia*. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. P. 98.

Государства без границ, соподчинение без принуждения

В доколониальный период в Юго-Восточной Азии существовали государственные образования, политико-территориальная организация которых существенным образом отличалась от той, к которой пришли европейские страны в результате формирования вестфальской системы и сопутствующих ей представлений о внешнем и внутреннем суверенитете. Последняя стала результатом формирования так называемых наций-государств, территориально-фиксированный характер которых в сочетании с полной национальной консолидацией и интеграцией долгое время рассматривался как наивысшее достижение модерна² и лишь относительно недавние по историческим меркам работы Стейна Роккана³, Чарльза Тилли⁴, Майкла Китинга⁵ и ряда других авторов поставили вопрос о спорности данного суждения и нелинейном характере движения к конструкту наций-государств в Европе.

Государственные образования, существовавшие в Юго-Восточной Азии до прихода колонизаторов, зачастую определялись в первую очередь по их политическим центрам и не имели четко фиксированной административной системы контроля над территорией от центра до периферии. Такую систему в ее малайском варианте австралийский исследователь Энтони Милнер обозначил в своих работах как «кераджаан» (политии, определяемые по расположению правителя)⁶. Британский автор Оливер Уол-

² Keating, M. *Thirty Years of Territorial Politics // West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, p. 60.

³ *Building States and Nations*. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

⁴ Tilly, Ch. *Coercion, Capital and European States, AD 990-1990*. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

⁵ Keating, M. *Thirty Years of Territorial Politics // West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

⁶ Milner, A. *The Malays*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.; Milner, A.; Kasim, S.M. *Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia's Foreign Relations //*

терс применительно к различным государственным образованиям Юго-Восточной Азии использовал термин «государство-мандала», проводя аналогии между концентрическими кругами, расходящимися от политического центра к периферии, и космогоническими представлениями об устройстве вселенной, существующими в буддизме и постулирующими центральность для нее горы Меру, окруженной океанами и горными цепями (то есть разными уровнями вселенского бытия). Подобная организационная система воспроизводилась, например, в структуре таких архитектурных комплексов как Боробудур (о.Ява, территория современной Индонезии) или Ангкор Ват (провинция Сиамреап, Камбоджа), который одновременно являлся и храмовым сооружением, и городским поселением, и центром одноименной империи.

Отталкиваясь от идеи государства-мандалы известный социальный антрополог шри-лайнкийского происхождения Стенли Тамбайя охарактеризовал организацию древнейших индианизированных государств Юго-Восточной Азии как галактическую политику⁷. В подобных системах основная функция правителя («властного аналога Будды» – Чакравартина или праведного правителя Дхаммараджи⁸) заключалась не в территориальном контроле, а в выполнении посреднической функции между более высокими уровнями универсума и миром людей и низших существ, то есть не в структурной, а в первую очередь – символической интеграции политического пространства⁹. Функция же бюрократического

Contemporary Southeast Asia, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

⁷ Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

⁸ Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 295 с. [Agadzhanian, A.S. *Buddiiskii put' v XX veke: Religioznye tsennosti i sovremennaia istoriia stran tkheravady* (Buddhist Way in the 20th Century: Religious Values and Contemporary History of Theravada States). Moscow: Nauka. Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura», 1993. 295 p.]

⁹ Ibid. С.176.

контроля реализовывалась через систему патрон-клиентских отношений, пронизывающих общества древних государств Юго-Восточной Азии от центра до периферии при том, однако, уточнении, что она не носила жестко фиксированного характера.

Соответственно, переходя к вопросу о региональном порядке, логичным является констатация отсутствия в доколониальный период *межгосударственных* отношений в Юго-Восточной Азии в строгом смысле этого слова и наличия другого типа – *межсоциетального* или *межобщественного* взаимодействия¹⁰. В отношении индианизированных государств региона, которые восприняли тхеравадический буддизм, справедливо также отметить факт особого, основанного на религиозных нормах и принципах, морального обоснования государственной власти и системы территориальной организации, описанной выше. При этом, по-видимому, не для всей территории современной Юго-Восточной Азии было характерно возникновение политий типа государств-мандал. Исключения составляли отдельные территории северного Таиланда, современных Мьянмы и Лаоса, равно как и Вьетнама, в результате девяти векового китайского господства над ним сохранившего китайскую бюрократическую систему и более централизованную систему государственного устройства¹¹.

Несмотря на то, что в доколониальный период наряду с влиянием Индии, регион представлял собой также и объект китайского влияния, было бы, однако, неверным говорить о том, что региональные политии были жестко включены в иерархию китаецентричного порядка, хотя многие из них отправляли вассальные посольства в Китай на регулярной основе. Так, Сиам, например, направлял такие посольства в Китай вплоть до 1853 г.¹², являясь при этом политическим

¹⁰ Chong, A. *Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in "Intersocietal Relations" in the Sejarah Melayu // Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

¹¹ Acharya, A. *The Making of Southeast Asia*. Singapore: ISEAS, 2012. P. 64.

¹² Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда. М.: Наука, Главная редакция восточной литера-

центром для многих соседних территорий, в частности на севере Малайского полуострова, условно зависимых от него и также направлявших в Сиам вассальные посольства и золотые цветы «бунга мас», представлявшие собой с точки зрения Сиам символ признания факта зависимости этих территорий от него.

«Ориентализм структурирует», национализм (и регионализм) отвечает

Появление в Юго-Восточной Азии колониальных держав (Испании, Голландии, Великобритании, Франции) существенным образом трансформировало облик региона и дезинтегрировало существовавшие внутрирегиональные связи¹³. Колониальное присутствие, начавшееся в регионе в XVI в. и завершившееся во второй половине XX в. можно назвать периодом навязанных социальных и политико-экономических идентичностей, а также временем возникновения прообразов будущих национальных границ. Отталкиваясь от обобщения, сформулированного в классической работе Эдварда Саида «Ориентализм: Западные концепции Востока» – «ориентализм структурирует»¹⁴, можно привести целый ряд примеров, подтверждающих данный тезис применительно к странам Юго-Восточной Азии. Малайзийский исследователь Фариш Нур, анализируя задачи европейской колониальной политики в Юго-Восточной Азии, особо выделил среди них введение в практический инструментарий колониального управления представлений о «расовых различиях», которые позволяли провести четкую грань между европейцами и азиатами, а последних, в свою очередь подразделить на представителей малайской, китайской и индийской рас. Та-

кой подход последовательно использовался и усложнялся в колониальных переписях населения, проведенных британцами на территории современной Малайзии в 1871, 1891, 1911 и 1931 гг.¹⁵

Различия и иерархия между расами закреплялись в идейном и практическом плане через их положение в структуре колониального управления, а также путем придания им отдельных экономических функций и четко фиксированную географию расселения, которая вплоть до сегодняшнего дня просматривается в существовании этнических анклавов в городской структуре Куала-Лумпура и Сингапура. В случае последнего, например, исторические хроники сохранили память о так называемом «плане Джексона» (по имени лейтенанта Филипа Джексона, которому сэр Томас Стэмфорд Раффлз поручил создать первый план этого города-колонии), педантично предусматривавшем наличие европейского, малайско-мусульманского, китайского и индийского кварталов («кампонгов»)¹⁶. Другой пример идентичностной трансформации обществ Юго-Восточной Азии под влиянием колонизаторов дает радикальная языковая политика Франции во Вьетнаме, которая с введением романизированного вьетнамского шрифта куокнгы (*quốc ngữ*) провела водораздел между модернизированным вьетнамским обществом начала XX века и предшествующими веками китаезированных государственного административного правления, литературы, культуры и бытового общения¹⁷.

Колониальное влияние прослеживается также в том, что в результате действий великих держав того времени были заложены основы для последующей национальной консолидации обществ региона. Одна из точек зрения, представленная в филиппинской историографии постулирует, что своим су-

туры, 1991. 168 с. [Fomicheva, E.A. Vneshniaia politika Tailanda (Foreign Policy of Thailand). M: Nauka, Glavnaiia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991. 168 p.]

¹³ Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. P. 81.

¹⁴ Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с. [Said, E.V. Orientalism: zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism: Western Concepts of the Orient). Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006. 640 p.]

¹⁵ Noor, F. What Your Teacher Didn't Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. P. 72.

¹⁶ Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. P. 32.

¹⁷ Zinoman P. Vũ Trọng Phụng's Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 8-9.

ществованием в качестве нации Филиппины обязаны колонизаторам (Испании), поскольку именно они объединили, хотя и насильственным путем, ранее разрозненный в этническом и социально-политическом плане архипелаг¹⁸. Несмотря на спорный характер данного утверждения, необходимо отметить, что национализм и национальная идея на Филиппинах стали оформляться именно как реакция на действия колонизаторов¹⁹, точно так же, как формирование национальных идей в других странах региона становилось во многом формой реакции на деятельность в Юго-Восточной Азии Франции, Голландии и Великобритании.

Схожий пример можно найти, в частности, в самотрансформации Таиланда (до 1939 г. – Сиам) из традиционного государства в подобие европейских наций-государств как реакции на внешнюю угрозу, исходившую со стороны Великобритании и Франции, тесно сомкнувших свои колониальные владения вокруг Сиам с запада и востока. Как детально показано в работе известного тайландского историка Тхонгчая Виничакуна «Сиам картографированный», в результате взаимодействия с колониальными державами Таиланд не только был вынужден принять западную концепцию границ и систему территориально-административного управления европейского образца, но и создать свой собственный тип национальной идентичности, тесно увязывающей восприятие территории с понятием «тайскости»²⁰. В конце XIX в. из субрегионального гегемона Сиам превратился в буферное государство между владениями Великобритании и Франции. Его претензии на иерархическое соподчинение ему сопредельных территорий были жестко ограниче-

ны договорами с европейскими странами. Так, например, отправка золотых цветов со стороны малайских княжеств прекратилась в 1909 г. с подписанием англо-сиамского договора.

Таким образом, к началу XX в. колонизаторы нивелировали традиционные внутрирегиональные отношения, заменив их собственной региональной структурой, разделявшей Юго-Восточную Азию на территории, включенные в систему колониальных владений четырех великих держав. Ответ на подобную сегментацию имел общие черты практически во всех будущих странах региона и, как было показано на примере отдельных случаев, формировался в форме национализма, особых форм национальной идентичности и национальных идей. Его составной частью стал не только рост национального самосознания, но и представление о том, что необходимо восстановить ту степень взаимосвязанности, которая существовала в регионе до прихода колонизаторов²¹, иными словами – добавиться создания регионального порядка, отвечавшего интересам стран региона.

Стоит также упомянуть, что непосредственно накануне и во время Второй мировой войны источником концептуальных новаций региональной организации стала Япония. Она предложила своим соседям по Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии собственную версию регионального порядка в форме концепции Восточноазиатской сферы со-процветания, которая очень быстро была отвергнута объектами применения этой концепции по причинам ее насильственного продвижения, хотя на этот раз уже не европейскими, а азиатской державой.

Результатом деколонизации региона после Второй мировой войны стало принятие сконструированных европейскими колониальными державами границ, хотя оно и не означало полного согласия с ними²². Вместе

¹⁸ Подберезский И.В. Хосе Рисаль. М.: Молодая гвардия, 1985. 319 с. [Podbereskii, I.V. Khose Risal' (José Rizal). Moscow: Molodaia gvardiia, 1985. 319 p.]

¹⁹ Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // *Twentieth-Century Philippine Political Thinkers*. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

²⁰ Winichakul, Th. *Siam Mapped. A History of the Geo-Body of a Nation*. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

²¹ Acharya, A. *The Making of Southeast Asia*. Singapore: ISEAS, 2012. P. 82.

²² В регионе до сих пор сохраняются территориальные споры, исторические корни которых уходят в колониальный период. Подробнее: Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // *Междуна-*

с границами новые государства принимали правила игры вестфальской международной системы и представления о суверенитете²³, хотя на тот момент являли собой крайне слабые государственные образования с неясными перспективами его сохранения. Следует, однако, отметить, что побочным положительным эффектом колониализма стало стирание различий между тремя диаметрально противоположными с точки зрения политико-культурной идентичности сегментами региона (индианизированным и китаезированным ареалами Юго-Восточной Азии и испанизированными/американизированными Филиппинами)²⁴.

Таким образом, ни колониальный вариант регионального порядка (несмотря на принятие его последствий в виде системы национальных границ), ни проект, предложенный Японией, ни ситуация, возникшая в Юго-Восточной Азии непосредственно после деколонизации, не воспринималась странами региона как варианты регионального порядка, которые бы соответствовали их коренным интересам. Начало «холодной войны» стало для Юго-Восточной Азии новым вызовом и источником поиска вариантов ответа на новую версию региональной проекции противоречий супердержав.

На пути к справедливому региональному порядку?

Процесс деколонизации в Юго-Восточной Азии был отмечен целым рядом структурно-политических, социально-экономических и стратегических проблем. В случае восточной части Индокитайского

родные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111. [Koldunova, E.V. Integratsiia bez konflikta ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.]

²³ Tarling, N. *Nationalism in Southeast Asia*. London: Routledge Curzon, 2004. P. 60.

²⁴ Acharya, A. *The Making of Southeast Asia*. Singapore: ISEAS, 2012. P. 82; Benda, H.J. *The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation* // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

полуострова он растянулся на три десятилетия и породил внутренние вооруженные конфликты во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, усугубленные исключительно интенсивным внешним вмешательством. При этом процесс установления коммунистических режимов в этих странах рассматривался как непосредственная военная угроза их соседям по региону – Индонезией, Малайзией, Таиландом, Сингапуром и Филиппинами, образовавшими в 1967 г. Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии.

Имея ярко выраженную антикоммунистическую направленность, АСЕАН возникла как ответ на несовершенство региональной структуры в том виде, в каком ее видели отцы-основатели Ассоциации. При том, что на момент создания Ассоциации среди ее первых пяти участников было бы невозможно выделить ни одной пары государств, которые не имели бы территориальных претензий друг к другу²⁵, тем не менее такое региональное объединение рассматривалось как общий знаменатель и способ укрепления региональной субъектности де факто слабых государств. Достаточно взвешенное и в значительной степени свободное от идеологических проекций обоснование необходимости региональной организации можно найти, в частности, в публикациях и высказываниях тогдашних министров иностранных дел Таиланда Тханата Комана и Сингапура – Синнатамби Раджаратнама. Первый указывал на то, что в системе блокового противостояния малые деколонизировавшиеся государства неизбежно будут оставаться на периферии. Их перспективы полноценного включения в мировую капиталистическую систему сомнительны, в то время как коммунистическая альтернатива пока что не прошла проверку временем²⁶.

²⁵ Сумский В. Манильский саммит – не повод для сомнений в состоятельности АСЕАН / Валдайский клуб. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manil'skiy-sammit-ne-povod-dlya-somneniy/> [Sumskii, V. Manil'skii sammit – ne povod dlia somnenii v sostoiatel'nosti ASEAN (Manila Summit is not a Reason to Doubt about ASEAN / Valdaiskii klub. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manil'skiy-sammit-ne-povod-dlya-somneniy/>]

²⁶ Khoman, Th. Which Road for Southeast

Второй призвал найти способы избежать «балканизации» пока что и без того слабого региона Юго-Восточной Азии посредством коллективного действия²⁷.

Совместная реакция на Камбоджийскую проблему, возникшую в результате установления в Камбодже режима Пол Пота в 1975-1979 гг. и его последующего свержения вьетнамскими войсками, в значительной степени консолидировала АСЕАН. Несмотря на крайнюю дискуссионность моральной оправданности линии Ассоциации в этом вопросе²⁸, выражавшейся, в частности, в поддержке (которую многие представители стран АСЕАН называют «тактической»²⁹) красных кхмеров как одной из фракций переговорного процесса по Камбоджийской проблеме, тем не менее, необходимо констатировать тот факт, что именно участие в процессе камбоджийского урегулирования позволило АСЕАН заявить о себе как о значимой региональной силе, настаивающей на региональном решении региональных проблем.

Движение к АСЕАН-центричному региональному порядку, в формате которого, включив в 1990-х гг. в свои ряды Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу, страны Ассоциации встретили начало постбиполярности, далось странам Юго-Восточной Азии дорогой ценой. В результате болезненного процесса урегулирования наиболее острых (но не всех) национальных проблем, «замораживания» ряда претензий друг к другу³⁰ и

постоянного внутрорегионального диалога в ранг принципиальных были возведены положения об уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Закрепив, таким образом на региональном уровне представления о нации-государстве как базовом элементе региональной структуры, государства Юго-Восточной Азии окончательно оставили в прошлом традиционные представления о региональном порядке. За рамками сложившегося порядка нормативно оказались и все возможные версии региональных порядков, базирующиеся на религиозных основах, как не отвечающие критерию универсальности для такого поликонфессионального региона, коим является Юго-Восточная Азия³¹. Тем не менее на академическом уровне можно констатировать существенный рост интереса к доколониальному прошлому региона и религиозно-философским учениям как источникам развития общественной политической мысли.

Добившись значительных успехов в стабилизации региональной ситуации страны АСЕАН предприняли попытку экстраполяции своей нормативной культуры, консолидированно обозначаемой как «Путь АСЕАН», на отношения со своими более крупным контрагентами. Институционально эта попытка выражалась в расширении и структурном усложнении АСЕАН-центричных механизмов АСЕАН+1 (диалоговые партнерства), АСЕАН+3 (Япония, Южная Корея, КНР), АСЕАН+8 (Япония, Южная Корея, КНР, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Россия, США), Региональный форум АСЕАН и ряда других. Как максимум странам АСЕАН представлялась желаемым

Asia? // *Foreign Affairs*, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>; Khoman, Th. ASEAN Conception and Evolution / ASEAN Web-site. Mode of access: http://asean.org/?static_post=asean-conception-and-evolution-by-thanat-khoman

²⁷ History. The Founding of ASEAN / ASEAN Web site. Mode of access: <https://asean.org/asean/about-asean/history/>

²⁸ Подробнее см.: Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

²⁹ См., например: Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

³⁰ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? //

Международные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111. [Koldunova, E.V. Integratsiia bez konflikta ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.]

³¹ Беседа автора с директором Центра исследований АСЕАН сингапурского Института изучения Юго-Восточной Азии Тан Сью Маном (Сингапур, июль 2019 г.). [Author's personal communication with Dr.Tan Siew Mun, Head of ASEAN Studies Centre, ISEAS, Singapore, July 2019].

полная социализация внешних партнеров (на момент 1990-х и начала 2000-х гг. это касалось в первую очередь материкового Китая, отказавшегося от поддержки коммунистических партий в странах АСЕАН и вступившего на путь быстрого экономического роста) согласно нормам и принципам АСЕАН, как минимум – уважение внешних более сильных игроков к тому региональному порядку, который сформировали в Юго-Восточной Азии страны АСЕАН, путем развития «когнитивного регионализма» – то есть такой формы регионального (применительно к ЮВА) и макрорегионального (применительно к внешним партнерам АСЕАН) взаимодействия, которая бы учитывала региональные нормы и практики взаимодействия в крайне диверсифицированном регионе и позволяла бы постепенно двигаться к формированию общей региональной идентичности и ощущению общности³².

Подобная конструкция в целом продемонстрировала свою функциональность до конца первого десятилетия этого века. Тем не менее, по мере экономического усиления Китая, в 2010 г. вышедшего на позиции второй экономики мира, и переориентации США на противодействие тем практикам подъема Китая, которые рассматривались Соединенными Штатами как угрожающие позициям Америки в мировой экономической и политической системе, функциональные возможности АСЕАН по поддержанию желаемого регионального порядка стали сокращаться. Выдвижение Китая в 2013 г. Инициативы пояса и пути, активизация переговорного процесса по соглашению о Транстихоокеанском партнерстве в период второго срока президента США Барака Обамы и всплеск дискуссий о новом геополитическом конструкте Индо-Тихоокеанского региона после прихода к власти Дональда Трампа стали практическими инструментами ограничения политических возможностей АСЕАН.

³² Milner, A. *Regionalism in Asia* // *The Far East and Australasia 2017*. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Практическая реализация Китаем Инициативы пояса и пути в Юго-Восточной Азии вызвала всплеск дискуссий о ее неравноправном (с точки зрения стран региона) и даже неокOLONIALном характере³³. При этом, однако, констатировался и тот факт, что народы Юго-Восточной Азии имеют многовековой опыт сосуществования с Китаем, что теоретически предполагает их возможности адаптироваться к его подъему. Очевидно также, что для таких стран как Камбоджа, Лаос или Мьянма Китай на данном этапе представляет собой экономический шанс, равноценной замены которому пока что не существует.

Если в экономической сфере восприятие возможного регионального порядка с доминантной ролью Китая амбивалентно, то в политико-стратегической сфере необходимо отметить наличие серьезных точек сопротивления ему. В их числе в первую очередь стоит выделить спор в Южно-Китайском море, для начальной фазы урегулирования которого страны Юго-Восточной Азии считают принципиальным подписание «законодательно обязывающего» Кодекса поведения в Южно-Китайском море³⁴. Позиция же Китая заключается в том, чтобы согласовывать Кодекс прежде всего как политический, а не международно-юридический документ³⁵. Следовательно, к началу третьего десятилетия этого века серьезным тестом для АСЕАН в отношениях с Китаем становится задача обновления нормативных

³³ Hornby, L. Mahathir Mohamad Warns against 'New Colonialism' during China Visit // *Financial Times*. August 20, 2019. Mode of access: <https://www.ft.com/content/7566599e-a443-11e8-8ecf-a7ae1beff35b>

³⁴ Kapoor, K.; Mogato, M. South China Sea Code with Beijing Must Be Legally Binding: ASEAN Chief // *Reuters*. April 28, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-asean-summit-secgen/south-china-sea-code-with-beijing-must-be-legally-binding-asean-chief-idUSKBN17U1S3>

³⁵ Wang Yi Responds to Four Questions on the Consultations on the Code of Conduct in the South China Sea (COC), August 1, 2019, The MFA of China. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/nanghai/eng/wjbxw_1/t1685673.htm

правил игры в регионе и разработка соответствующего нормативного порядка³⁶.

При этом, однако, очевидно, что эта задача не замыкается лишь только на отношения Китая и АСЕАН в связи с присутствием в регионе другого влиятельного игрока – Соединенных Штатов Америки. Во второй половине XX в. и начале XXI в. многие страны Юго-Восточной Азии воспринимали США как преимущественно конструктивную силу, а под «нейтрализацией» региона от влияния внешних сил понимали в первую очередь избавление от китайского и советского присутствия. Тем не менее на современном этапе американоцентричная версия мирового (и регионального порядка) также вызывает у многих стран Юго-Восточной Азии существенные опасения.

Наиболее проблематичным интеллектуальным кругам региона представляется существенное ослабление позиций Запада и даже его неконструктивная роль в процессах глобального управления, выражающаяся в открытом использовании инструментов интервенции, вмешательства во внутренние дела других стран, генерировании целого ряда глобальных проблем в сфере ядерного нераспространения и борьбы с экологическими проблемами³⁷. При этом, как полагают некоторые исследователи, именно стремление Запада к глобальной гегемонии³⁸, универсализация без учета региональной специфики концепта прав человека и стремление использовать его в качестве геополитического инструмента³⁹ противоречит возможностям установления подлинно этического и инклюзивного мирового и

регионального порядка. При этом основной посыл многих современных публикаций лидеров общественного мнения стран региона заключается в том, что Юго-Восточная Азия не выступает за закат Запада или уход его с лидирующих позиций, а за его структурную трансформацию и ограничение его интервенционизма⁴⁰.

Документ, в котором страны АСЕАН сформулировали свои представления об Индо-Тихоокеанском регионе (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*) дает представления о том, каким, по сравнению с вариантами региональных порядков, обеспечиваемых США или Китаем, хотели бы видеть региональный и макрорегиональный порядок страны АСЕАН (см. также *Tab. 1*). Его ключевыми принципами являются центральность АСЕАН, открытость, транспарентность, уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга, инклюзивность, обоюдное соблюдение общих правил поведения, комплиментарность и экономическое соразвитие⁴¹. Таким образом, странам АСЕАН хотелось бы сохранить конструктивное вовлечение в дела Юго-Восточной Азии всех внешних сил, однако при том условии, что они будут играть в первую очередь по правилам АСЕАН. Вопрос о том, имеются ли у Ассоциации реальные инструменты для обеспечения такого подхода, пока что остается открытым.

³⁶ Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham, UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

³⁷ Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

³⁸ Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

³⁹ Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

⁴⁰ Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

⁴¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific / ASEAN Web site. Mode of access: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

Таблица 1

Сравнительный анализ достоинств и недостатков трех версий
регионального порядка в Юго-Восточной Азии

Организирующий актор	США	Китай	АСЕАН
Достоинства	– Обеспечение относительной региональной стабильности – Доступ к американским рынкам и технологиям для партнеров США	– Экономический шанс, в том числе для наиболее слабых стран, получить импульс к быстрому экономическому развитию	– Инклюзивность, движение со скоростью, устраивающих всех – «Когнитивный» / «идейный» регионализм в большей степени, нежели функциональный*
Недостатки	– Интервенционизм – Универсализация – Игнорирование региональной специфики	– Конфликтность – Нетранспарентность – Принятие китайский национальных интересов в качестве первостепенных, а собственных – вторичных	– Недосток собственных экономических и политических возможностей, необходимость постоянного вовлечения внешних сил

* О дискуссии на эту тему подробнее см.: The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019. Pp. 106-110.

Table 1. Comparative analysis of the advantages and disadvantages of the three versions of the regional order in Southeast Asia

* * *

Представленный анализ позволяет сделать несколько выводов. За время прошедшее с момента деколонизации государства Юго-Восточной Азии прошли длительный путь к национальной политической и экономической состоятельности, а также укреплению собственной региональной субъектности. Сегодня регион и его институциональное выражение – АСЕАН представляют собой вполне реальную международную силу, которая, однако, уступает по потенциалу и возможностям своим основным контрагентам. Опыт коллективного действия стран АСЕАН, необходимость примериться и уживаться со многими внутрирегиональными и международными ограничениями приводит к достаточно взвешенному взгляду на желаемый справедливый региональный (а возможно и мировой) порядок. Его квинтэссенцией представляется инклюзивность, принятие сложившейся системы наций-государств (в отличие от Ближнего Востока, где эта система потерпела практически полное фиаско и активно оспаривается⁴²),

развитие международных отношений в рамках общих правил и норм, включая международное право, снижение интервенционизма Запада при сохранении его сильных позиций в мировой системе. Китай в свою очередь воспринимается как шанс и партнер в экономической сфере, но отторгается в качестве доминирующей региональной организующей силы, что особо отчетливо видно на примере споров по поводу Южно-Китайского моря. Региональная специфика проявляется через особенности регионализма и нормативной культуры, а не через открытое противостояние Западу. Такой подход к организации регионального порядка представляется вполне оправданным, однако его дальнейшая практическая реализация может столкнуться с серьезными структурными ограничениями.

kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Ed. by V.G. Baranovskii, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN, 2018. 556 p.]; Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. № 2. С. 27-43. [Naumkin, V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke (The Crisis of the Nation-State in the Middle East) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, No. 2, pp. 27-43.]

⁴² Подробнее см.: Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с. [Blizhnii Vostok v meniaiushchemsia global'nom

Литература:

Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 295 с.

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.

Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // Международные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111.

Махбубани К. Запад в роли ответчика // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/number/n_11145

Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. № 2. С. 27-43.

Подберезский И.В. Хосе Рисаль. М.: Молодая гвардия, 1985. 319 с.

Сауд Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.

Сумский В. Манильский саммит – не повод для сомнений в состоятельности АСЕАН / Валдайский клуб. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manilskiy-sammit-ne-povod-dlya-somneniy/>

Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда. М: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 168 с.

Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. 350 p.

Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

Benda, H.J. The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham, UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

Building States and Nations. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

Chong, A. Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in “Intersocietal Relations” in the Sejarah Melayu // *Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

Keating, M. Thirty Years of Territorial Politics // *West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

Khoman, Th. Which Road for Southeast Asia? // Foreign Affairs, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>

Leifer, M. Selected Works on Southeast Asia. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. 748 p.

Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

Milner, A. Regionalism in Asia // The Far East and Australasia 2017. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Milner, A. The Malays. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.

Milner, A.; Kasim, S.M. Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia’s Foreign Relations // *Contemporary Southeast Asia*, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

Noor, F. What Your Teacher Didn’t Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. 286 p.

Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // Twentieth-Century Philippine Political Thinkers. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // HAU: Journal of Ethnographic Theory, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

Tarling, N. Nationalism in Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2004. 273 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019.

Tilly, Ch. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. 192 p.

Winichakul, Th. Siam Mapped. A History of the Geobody of a Nation. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

Zinoman, P. Vũ Trọng Phụng’s Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 1-30.

References:

Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. 350 p.

Agadzhanian, A.S. Buddiiskii put’ v XX veke: Religioznye tsennosti i sovremennaia istoriia stran tkheravady (Buddhist Way in the 20th Century: Religious Values and Contemporary History of Theravada States). Moscow: Nauka. Izdatel’skaia firma «Vostochnaia literatura», 1993. 295 p.

Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

Benda, H.J. The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

Blizhnii Vostok v meniaiushchemsia global’nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Ed. by V.G. Baranovskii, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN, 2018. 556 p.

Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham,

UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

Building States and Nations. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

Chong, A. Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in "Intersocietal Relations" in the Sejarah Melayu // *Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

Fomicheva, E.A. Vneshniaia politika Tailanda (Foreign Policy of Thailand). M: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991. 168 p.

Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

Keating, M. Thirty Years of Territorial Politics // *West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

Khoman, Th. Which Road for Southeast Asia? // *Foreign Affairs*, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>

Koldunova, E.V. Integratsiia bez konfliktka ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.

Leifer, M. Selected Works on Southeast Asia. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. 748 p.

Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

Makhbubani, K. Zapad v roli otvetchika (The Case against the West) // *Rossia v global'noi politike*, 2008, No. 4. Mode of access: https://globalaffairs.ru/number/n_11145

Milner, A. Regionalism in Asia // *The Far East and Australasia 2017*. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Milner, A. The Malays. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.

Milner, A.; Kasim, S.M. Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia's Foreign Relations // *Contemporary Southeast Asia*, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

Naumkin, V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke (The Crisis of the Nation-State in the Middle East) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, No. 2, pp. 27-43.

Noor, F. What Your Teacher Didn't Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. 286 p.

Podbereskii, I.V. Khose Risal' (José Rizal). Moscow: Molodaia gvardiia, 1985. 319 p.

Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // *Twentieth-Century Philippine Political Thinkers*. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

Said, E.V. Orientalizm: zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism: Western Concepts of the Orient). Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006. 640 p.

Sumskii, V. Manil'skii sammit – ne povod dlia somnenii v sostoiatel'nosti ASEAN (Manila Summit is not a Reason to Doubt about ASEAN / Valdaiskii klub. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manilskiy-sammit-ne-povod-dlya-somneniy>

Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

Tarling, N. Nationalism in Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2004. 273 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019.

Tilly, Ch. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. 192 p.

Winichakul, Th. Siam Mapped. A History of the Geobody of a Nation. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

Zinoman, P. Vũ Trọng Phụng's Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 1-30.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041

REGIONAL TRANSFORMATIONS IN SOUTHEAST ASIA AND THE PROBLEM OF JUST REGIONAL (AND WORLD) ORDER

Ekaterina V. Koldunova

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 19.11.2018</p> <p><i>Received:</i> 19.11.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.12.2019</p>	<p>Abstract: The diachronic comparative analysis of the regional orders in Southeast Asia in pre-colonial, colonial and post-colonial periods presented in the article allows to demonstrate that despite their subordinate position in the international system Southeast Asian states not only managed to adopt themselves to the nation-state concept but also to develop their own regional instruments of raising their international profile. Alongside with this adaptation the indigenous (pre-colonial) perceptions of the regional order were becoming less relevant in terms of international relations and became the domain of socio-political and philosophical thought. The paper argues that the experience of collective action of Southeast Asian states united in ASEAN and the necessity to accommodate a variety of intraregional and wider international limitations resulted in a quite objective and rational view of a desired just regional order. Its core assumptions imply inclusiveness, acceptance of the nation-state-based international system, adherence to the shared norms and principles. They also indicate regional desire to see a lower Western interventionism but not the Western decline in the international system. As for China, Southeast Asian state perceive it as desirable strong economic, but not political force. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific reflect this approach. However justified it seems, there are still open questions concerning the instruments of its implementation.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Senior Expert, ASEAN Centre, MGIMO-University</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: regionalism; ASEAN; regional order; regional transformations; comparative analysis; Southeast Asia; Indo-Pacific region; China; USA</p>	

Для цитирования: Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // *Сравнительная политика*. – 2019. №4 – С. 52-64.
 DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041

For citation: Koldunova, Ekaterina V. Regional'nyye transformatsii Yugo-Vostochnoy Azii i problema spravedlivogo regional'nogo (i mirovogo) poryadka (Regional Transformations in Southeast Asia and the Problem of Just Regional (and World) Order) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 52-64.
 DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041